

с элементом в позиции S_1 . Эта связь, имеющая значение 'есть', выражает отношение денотативного (но не референциального) тождества между элементами в позициях (S_2) и S_1 : (S_2) \rightarrow (есть) $\rightarrow S_1$.

Осуществляя связь с элементом в позиции S_1 , элемент (S_2) вступает в отношении зависимости с двумя следующими элементами первой цепочки. Если объединить все связи указанным образом, они образуют гибкую нелинейную структуру. С точки зрения целостной структуры, грамматический субъект первой цепочки совмещается с предикатом последовательности цепочек; две семантические структуры включаются в единую семантическую структуру текста.

¹ См.: Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. С. 68.

² См.: Супрун А. Е. Лекции по языковедению. Минск, 1978. С. 52.

³ Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988. С. 30.

⁴ Попов Ю. В. Текст как эмпирический и теоретический объект языкознания // Вестн. Беларус. ун-та. Сер. 4: 1988. № 1. С. 61.

Л. А. ШАБАШЕВА

О ФОРМИРОВАНИИ ЗНАЧЕНИЯ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В КОЛИЧЕСТВЕННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ

Понятие количества имеет неоднозначное онтологическое основание. Оно может выражать «внутреннее» свойство, представляющее существование предмета «как некоторой самостоятельной сущности», т. е. оно «присуще ему генетически». В этом случае количество «выступает как определенность предмета, но в отличие от качества оно характеризует предмет со стороны степени развития его свойств: величины, объема, числа, скорости движения, интенсивности, цвета и т. д.».

Количество также представляет собой «...то, что может быть разделено на составные части, каждая из которых, будет ли их две или несколько, является чем-то одним, данным налицо». Иначе говоря, количество — это «множество, если его можно счесть, это величина, если его можно измерить»¹. В таком аспекте количество есть «внешнее» свойство предметов.

Диалектика количества, основанная на противопоставлении единичного и множественного, состоит в том, что, обладая собственной внутренней природой, оно может входить составной частью в другую определенность (количественную и качественную). Данное положение следует понимать таким образом: предметы, обладая своим «внутренним» количеством, имеют свойство «быть во множестве».

Механизм языка способен абстрагировать это свойство, и, в зависимости от цели познания, человек выделяет, а язык называет и возводит в ранг субстанции «внутреннее»: *l'énormité d'une baleine, la grandeur d'un esprit, la petitesse d'une taille* или «внешнее» количество: *la quantité des baleines, la multitude des choses, un nombre d'amis*.

А. А. Уфимцева, обосновывая объективный, онтологически детерминированный статус лексического значения языкового знака, видит в значении иерархически организованную целостность «совокупных свойств обозначаемых предметов и вещей»². С этих позиций интересно рассмотреть семантику слов, обозначающих количество.

Предметы обозначаются в языке категорией существительного, которое характеризуется соответственно категориальным значением предметности. «Предметность» в языке, как и «предмет» в экстралингвистической действительности, может существовать только при условии равновесия их количественной и качественной сторон. Следовательно, тот аспект количества, который передает в имени понятие генетической сущности предмета, мы назовем «количественностью», наряду с «качественностью». Равновесие количественности/качественности в семантике дает возможность этому слову приобретать статус существительного — обо-

значать предмет. Нарушение же этого равновесия ведет к тому, что имя меняет свою категориальную принадлежность: un beau bois de lit — une table de bois.

Во втором примере (de bois) в семантике имени нарушается равновесие количественности/качественности в сторону качественности и существительное переходит в разряд прилагательного. При увеличении количественности имя не меняет своей категориальной принадлежности, но меняется его значение, например:

(1) On peut juger de l'âge du cerf par les noeuds ou **cercles annuels** de ses cornes.

(2) La corruption à son comble portée.

Dans le cercle des grands n'est pas arrêtée (Grand Dictionnaire Universel du XIX siècle (Par P. Larousse. Paris, 1867. T. 3.).

Существительное как обозначение предмета и как обозначение количества имеет различное содержание. Для (1) это — surface plane qui limite une ligne courbe appelée circonférence..., для (2) это — (fig.) association de personnes réunies pour un but particulier (Petit Larousse illustré. Paris, 1975).

Количественность, будучи одной из составляющих предметности, обеспечивает «реальность существования данного предмета в пространстве и времени как некоторой линейной и объемной протяженности, которая характеризуется объективностью, отдельностью, относительной устойчивостью и связью с другими предметами»³, выражаясь во французском языке, как и в других, самой формой имени: une table, une forêt, un bois. Равновесие семантических компонентов структуры имени соответствует определенности предмета: имя в единственном числе обозначает один предмет действительности.

При обозначении внешнего количества предлагается термин «множественность» (наряду с термином «единичность», обозначающим нечто, существующее в единственном числе). При рассмотрении множественности гармония количественности/качественности уже не проявляется так явно. Имя во мн. числе обозначает ряд предметов, который может продолжаться до бесконечности. Специфика такого ряда в том, что предметы унифицируются, хотя каждый из них обладает своими индивидуальными характеристиками: des tables = table₁ + table₂ + table₃ + table₄... + table_n.

Денотатом имени во мн. числе является понятие, сформировавшееся на основе преимущественной множественности, при помощи абстракции отождествления, в процессе которой происходит отвлечение от несходных, различающихся свойств предметов и одновременное выделение одинаковых, тождественных свойств. Посредством общего свойства, содержащегося в понятии, выделяется объем понятия — множество, которое мыслится как особый «абстрактный предмет», обладающий особыми свойствами по сравнению с индивидуумами, составляющими множество. Предметы — элементы множества — рассматриваются не с позиций их индивидуальных характеристик, а как бы «сверху». В сознании сохраняется лишь понятие о субстанции данных предметов: неважно письменный ли стол, обеденный, круглый или прямоугольной формы — это столы. Предметы, составляющие множество, сами становятся понятием: «...когда уже абстракция отождествления состоялась, любой предмет, входящий в множество предметов, от которых отвлечены общие специфические свойства, может рассматриваться как представитель любого другого предмета этого множества и в этом смысле в данном случае как представитель рода (вида) вообще»⁴.

Таким образом, «предметность» имени, обозначающего реальный единичный предмет, и «предметность» имени во мн. числе имеют различное наполнение. Последнее обладает «качественностью» иного свойства и формирует «субстанцию», взаимодействуя с иной «количественностью», т. е. множественностью. В данном случае «субстанция» понимается шире, чем «предметность». «Субстанция» des tables имеет скорее «сигнифика-

тивную»⁵ направленность. Для того чтобы восстановить индивидуальность предметов, входящих во множество, их необходимо характеризовать, т. е. придать им денотативную направленность. Для этого используются специальные языковые приемы, напр.: *Столы были свалены в беспорядке: письменные, с тумбами и ящиками, канцелярские, с чернильными пятнами, старинные и современные, один бильярдный.*

Отсюда следует, что множественному числу имени соответствует денотативная незавершенность (не очерчен предел) и неопределенность.

Процесс абстракции, как известно, может проходить различные ступени: низшую, когда выделенное свойство не мыслится «отрешенно от предметов, от которых оно отвлечено», и более высокую, когда это свойство «начинаем мыслить отрешенно» и представляем его в виде особого рода предметов — «абстрактных».

Свойство «множественности» находит свое особое обозначение в языке в словосочетаниях типа Adv_q+N, которые, по нашему мнению, являются номинацией множественности как свойства. Словосочетания типа beaucoup de tables обозначают, что в действительности имеется предметный ряд, которому присуще свойство «быть в n-количестве». Номинантом свойства является наречие: beaucoup, peu. Одновременно с обозначением множественности осуществляется неполная референция на денотат: des tables. Следует добавить, что понятие субстанции (ср.: des tables) в языке получает отдельную номинацию — beaucoup de tables, что свидетельствует о процессе образования понятия, обладающего особыми признаками. В связи с этим интересно вспомнить мнение К. С. Аксакова о двух основных значениях в русском множественном числе: «множественное собственное, или множественное раздельное, и множественное собирательное, совокупное». Первое удерживает множество предметов в раздельности, не сливая в одно целое, другое показывает его как совокупность, собирая предметы в одно целое⁶.

Субстанция множественности как абстракция, мыслимая вне предметного ряда, получает статус предмета в языке с помощью универсального «средства опредмечивания» — имени существительного. К «абстрактным предметам», которые являются конечным этапом процесса абстрагирования количественной стороны отношений между предметами, можно отнести имена quantité, nombre, multitude, infinité. Результат абстракции, получив статус самостоятельного предмета, в свою очередь может стать объектом изучения, а значит, и характеристики. «Абстрактные предметы» также принимают форму единственного числа, хотя их семантика остается той же: обозначение свойства. Они имеют ту же «сигнификативную» направленность семантики, что и имя во мн. числе. Различие в том, что изначальное сигнификативное содержание выступает в них в качестве денотативного. От базовой предметности (типа table₁+table₂ ... +table_n) отвлекаются. Как результат абстракции такие имена могут быть отвлечены от любого ряда: не только предметного, но и ряда признаков, свойств, движений и т. п. Аналогично и в русском языке «...есть более типичные существительные, а есть менее типичные»... обозначающие «опредмеченные» действия, признаки⁷.

Семантика абстрактных существительных базируется не на чувственно воспринимаемых, а на данных, поставляемых мышлением, и прямо не зависит уже от связей между реальными предметами. Человек получает возможность оперировать не только реальными предметами, но и понятиями о них, ставить изучаемый объект в различные соотношения с другими. Связать с действительностью, т. е. придать денотативную направленность такому существительному, может только семантика другого, обозначающего исчисляемые предметы. Это обуславливает формирование словосочетаний типа N₁+de+N₂: quantité de gens, nombre d'amis, где N₂ — денотативный компонент конструкции, а множественность (как сигнификативный компонент) раскрывается в N₁. Таким образом, хотя в языке количественная сторона отношений и может быть отделена от базового предметного ряда, семантически она не существует

в том же смысле, как и носитель свойства. Ср.: «Количество всегда связано с качественной определенностью предмета»⁸.

Мышление абстрагирует от множества характеристик предмета ограниченное количество специфических свойств. В противном случае процедура отвлечения не имела бы смысла. Поэтому семантическое содержание абстрактных имен гораздо беднее слов, обозначающих реальные предметы. Являясь результатом абстрагирования, существительные, как и сам процесс, имеют различную степень и характер отвлечения, напр.: *quantité, nombre, infinité, multitude* могут обозначать любой предметный ряд; *groupe, foule* употребляются только при исчислении людей, *groupeau, volée, banc* — только о животных; *tas, mont, roignée* — только о неодушевленных предметах и т. д. При «привязке» таких имен к действительности проявляется их специфическая особенность: будучи абстрагированными от конкретного предметного ряда, они впоследствии могут быть приписаны другому, обладающему подобной спецификой. Чем выше уровень абстракции, тем шире круг обозначаемых именем предметов.

В количественных словосочетаниях типа *un panier de fraises, un cercle d'enfants* N_2 обозначает понятие о реальных предметах, оцениваемых количественно, а N_1 является показателем множественности.

Семантическое развитие имени в роли количественного показателя (N_1) предполагает абстрагирование от всех сем за исключением той, которая может выполнять роль маркера множественности. Преобладание сигнификативного компонента в семантике N_1 приводит к тому, что «предметность» его получает новое проявление, не свойственное его обычной номинативной функции, т. е. более абстрактное: «целостность», «расположение», «объем» и т. п. множественности, обозначенной N_2 . Преимущественная реализация сигнификативного компонента и утрата именем денотативной отнесенности являются языковым аналогом абстрагирующей работы сознания: для *panier* — это *contenue*, для *cercle* — *étendue* и т. д. Количество как абстракция принимает образы известные, возникающие по ассоциации. Вспомним в этой связи, что у древних народов слово «яма» обозначало одновременно и «глубокий», «камень» и «лежачий»⁹ — предметность использовалась для обозначения понятия.

Итак, прямое номинативное значение слова воспринимается в составе $N_1 + de + N_2$ как показатель множественности, ср.: *panier* — *panier de légumes*, шапка — шапка груш. Но имя при этом не теряет своей референциальной направленности, ограничивая ее направленностью на некоторое количество предметов. Говорящий получает возможность обращаться с множественностью как с целостным объектом — референтом, ср.: *un groupe de femmes, un lambeau d'étoffe*. Точная количественная характеристика множества неизвестна, но важна целостность множества как свойство гомогенных объектов: женщин — группа, ткани — кусок.

Таким образом, лексические единицы типа *un panier de fraises* характеризуются прежде всего сигнификативной направленностью семантической структуры, которая реализуется в виде множественности, присущей некоторому ряду предметов.

¹ Вопросы романского языкознания: Межвузовский грамматический сборник. Калинин, 1978. С. 129, 130.

² Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексик. М., 1986. С. 57.

³ См.: Вопросы романского языкознания. С. 131.

⁴ Горский Д. П. Вопросы абстракции и образование понятий. М., 1961. С. 214.

⁵ См.: Общее языкознание / Под общ. ред. А. Е. Супруна. Минск, 1983. С. 134.

⁶ См.: Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 136.

⁷ Общее языкознание. С. 255.

⁸ Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971. С. 218.

⁹ См.: Горский Д. П. Указ. соч. С. 155.